

Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино”, коренится, как я указывал, весь пафос религиозно-философского творчества Владимира Соловьева. И это да не забудется ему!

ЗАВЕТ ЦЕЛОСТНОГО ДУХА

(Славянофилы и мы)

Счастье, если у народа есть духовные вожди. Русский народ имеет духовных вождей в лице славянофилов. Наша эпоха сознает это все больше, наша молодежь, как и наша церковная мысль, тянется не столько к близкому по времени Владимиру Соловьеву и к гностическим вычурам некоторых порожденных от него религиозно-философских течений (за которые он, конечно, лишь отчасти ответствен), сколько все больше к Достоевскому и Хомякову. Проходит время кликушески-истерических завываний, серьезная пора требует серьезной настроенности, собранности, трезвости, **подготовки подвига**, цельности духа. Вновь открываются перед взором, затуманенным было чадом интеллигентщины, незыблемые святыни Православия, проходит пора выкриков и неистовых дионисически-интеллигентских верчений, рассеивается болотный дух, болотный смрад эстетизированного интеллигентского хлыстовства, которым болели многие представители прошлого поколения, гаснет светоч Мережковского и других представителей упадочного духа, которые с завыванием призывали Антихриста... Ибо тяжелое время, тяжелое народное горе, тяжелая ответственность. Не отдельные голоса, не отдельные пророки – их еще нет в настоящем у нас, – **само время**, которое мы переживаем, зовет к бодрому, трезвому служению, служению духа, служению всеми силами, к жертвенному отдаванию и закалению себя в неустанной работе, к **цельности духа**.

И тут нашими учителями, нашими вождями, голосом зовущего и яснее указывающего путь являются для нас славянофилы. Ведь, и мы пережили то, чем они жили, из чего родилась вся их духовная жизнь, их проповедь, подвиг их жизни – и нас, но гораздо более, через сотрясения, через муки, в борьбе, казалось бы, безысходной и безнадежной, охватило органическое, огромное, превосмогающее, полное радостной, победной уверенности, чувство России. Мы поняли, что национальное есть законное и необходимое выражение Вселенского. Оно не смеет, не должно заслонять Вселенского, но оно освящается Вселенским. Мы поняли, что без религиозного основания, без основания Церкви нельзя строить и нельзя возродить народной жизни. Мы поняли, что Церковь, которую презирали наши интеллигенты, и которую стремились исказить наши религиозные эклектики, стараясь соединить ее с духом язычества и языческих оргий, что она есть самое святое, самое дорогое, самое великое, ибо в ней живет и дышит Дух

Божий, Дух Христов. Она выше всего, дороже всего, выше, конечно, и родного народа, она по ту сторону политики, выше страстей, выше житейской борьбы. В ней совершается великий процесс роста человечества в великое, всеобъемлющее Тело Христово, в “веру полную возраста Христова”. Но вместе с тем мы поняли то, чему нас научило наше страдание за Россию, чему нас учили славянофилы проповедью и примером целостности духа, чему нас учит Слово Божие. Вера **обязывает**, она не может быть мертва и бездейственна; когда она охватит всего человека, она **требует своего проявления в жизни**. “Как можешь ты любить Бога, которого не видишь, если не любишь брата, которого видишь? Поэтому мы имеем заповедь: чтобы любящий Бога любил и брата своего”, так писал величайший мистик христианства Иоанн Богослов. А спаситель говорил книжникам: “Бог заповедал: “почитай отца и мать...” а вы говорите: если кто скажет отцу или матери: “дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался”, тот может и не почтить отца своего и мать свою. Таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим...” Мы рождены не случайно в лоне того или другого народа. Родина есть коллективная наша Мать; забывая о ней, об ее горечах, муках, поругании и уходя в чисто эстетически-абстрактную религиозность, мы нарушаем заповедь Христа, подтвердившего долг почитания родителей. То, что вера **связана с жизнью**, это уже и тогда, в сравнительно мирные, менее трагические, менее бурные, но все же ответственные и решающие, времена русской жизни, поняли славянофилы. И то, что они поняли, то осуществили они в жизни своей, в действенном подвиге горения и любви. Это и делает их теперь для нас не только идейными руководителями (это было бы и не так даже важно: ибо из жизненного опыта, из пережитого, из болей и борений каждой эпохи должны **заново** рождаться и обновляться великие, нестареющие идеи), а гораздо большим: **примером жизненного подвига. Нам нужен деятельный подвиг, рожденный из веры и целостного духа.** Для этого мы должны пойти не в “школу славянофилов”, а в ту школу, в которую пошли и сами славянофилы: в школу истинно евангельскую, истинно Церковную, Вселенского духа и вместе с тем органической деятельной любви к земной, общей матери нашей – России. Прислушаемся же к голосу славянофилов, не только к голосу писаний их, но и жизни их.

II

Основная идея славянофилов, их пафос лежит в их учении о **целостности**.

Иван Киреевский, философ славянофильства, учит о **целостном познании** истины. Ибо Истина есть сама нечто целостное, она есть жизнь, во всем ее богатстве, во всей ее глубине. Не рассудок один в состоянии познать ее.

Чтобы познавать Истину, мы должны воспринять ее всем существом нашим, **взрастать в нее**, покуда не достигнем “меры полной возраста Христова”. Познание есть акт всего человека: лишь **целый** человек может постигать всю многогранную, жизненную глубину Истины, ибо она не есть плоскость, отвлеченность, теория. Так уже Павел желает христианам, чтобы они, “укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, **что есть широта, и долготы, и глубина, и высота**” Истины. Соответственно этому и славянофилами ставится требование от человека целостного духа. “Главный характер верующего мышления, – пишет Киреевский, – заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее сосредоточение бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первоизданной неделимости...” “Всякий должен связать направление своей жизни с своим коренным убеждением веры, согласить с ним главное занятие и каждое особое дело, чтоб всякое действие было выражением одного стремления, каждая мысль искала одного основания, каждый шаг вел к одной цели”. Поэтому Истина, воспринятая человеком, требует своего выражения в **подвиге**.

...Взгляни на ниву: пашни много,
А дня не много впереди.
Вставай же, раб ленивый Бога,
Господь зовет: иди, иди!

И Хомяковский “Труженик” отвечает на этот призывный голос:

Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой,
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Доколе не прорежу нивы,
Господь, для света Твоего.

Ибо не для себя одного и не над собой одним работает человек: он работает на ниве Божией, на которой он поставлен. Этой нивой прежде всего был для славянофилов родной **народ**. Целостная истина требует не только напряжения и объединения всех сил целостного человека – нет более того: она дается ему не одному, в его отдельности, а ему в совокупности с его братьями, ему как члену большого, живого, могучего организма. Константин Аксаков с такими словами обращается к отвлеченному, оторванному от народной жизни “гуманисту”:

...Не понял ты великого значенья
В один поток соединенных волн;
Могущества их общего стремленья
Не понял ты, **своей** тоскою волн!

Оставь же **свой** отдельный мир страданья
Где ты живешь – вдали людей любя!
Участия не нужно подаянье,
Из целого не исключай себя...
Скорбь общая и общая невзгода
Тебе твои страданья заменят, –
Сильней всего великий глас народа,
Пред ним твои все вопли замолчат!
Пойми себя в народе! Не сжимает,
Как океан, твоей свободы он;
Тебе он только место назначает
Ты общему в нем живо покорен.
А без того ты – эгоист без силы,
И жизнь твоя прекрасная пуста,
Страданья вялы и оружия гнилы,
Порыв бесплоден и ложна мечта...

Славянофилы охвачены пафосом любви к своему народу:

Пора домой! Нас ждет земля родная
Великая в страдании немом.

Эти слова, характерные для славянофилов, для их жертвенного служения Родине. И нас захватывают и задевают за живое. И мы чувствуем:

**...Нас ждет земля родная
Великая в страдании немом.**

Огромный подвиг, огромное бремя служения:

Взгляни на ниву: пашни много...

Но из родного народа славянофилы не делали идола себе, он не был для них конечной и последней ценностью. Он должен получить себе цель и смысл и освящение от безмерно, бесконечно высшего, чем он – от Истины Вселенской, открывающейся опять-таки не отдельному человеку, в оторванности и замкнутости его, а открывающейся свободе человеческого духа в союзе любви – в Божеско-человеческом организме Церкви, напоенной Духом Божиим. Высшая целостность, высшее единство, высшее, единственно адекватное усвоение Истины осуществляется в Церкви.

Церковь не внешний “авторитет”, мы не “подданные” Церкви, а живые струи в едином великом потоке благодатной жизни, жизни Духа. Мы знаем, как учение о Церкви является одухотворяющим центром всего учения, всей веры, всего жизненного подвига славянофилов. “Мы знаем, – говорит Хомяков, – когда падает кто из нас, он падает один; но никто один не спасается: спасающийся же спасается в Церкви, как член ее, и в единстве со всеми другими ее членами. Верует ли кто? Он в общении Веры; любит ли? Он в общении Любви. Молится ли? Он в общении Молитвы...”

«Не говори: “Какую молитву уделю живому или усопшему, когда моей молитвы недостаточно и для меня?” Ибо не умеющий молиться, к чему молился бы ты за себя? Молится же в тебе дух Любви. Также не говори: “К чему моя молитва другому, когда он сам молится, и за него ходатайствует сам Христос”? Когда ты молишься, в тебе молится дух Любви. Не говори: “Суда Божьего уже изменить нельзя”, – ибо твоя молитва сама в путях Божиих, и Бог ее предвидел. Если ты член Церкви, то молитва твоя необходима для всех ее членов. Если же скажет рука, что ей не нужна кровь остального тела, и она своей крови ему не даст, рука отсохнет. Так и ты Церкви необходим, покуда ты в ней, а если ты отказываешься от общения, то сам погибаешь и не будешь уже членом Церкви... Кровь же Церкви – взаимная молитва, и дыхание ее – славословие Божие.

Выше всего любовь и единение...».

В жизни Церкви открывается целостная Истина. «Ей служит выражением не только силлогизм выговоренный или силлогизм в мысли, но и созерцание, и сердце Если бы католики усмотрели эту черту у Владимира Соловьева, носились ли бы они так с Соловьевым? Ведь, и Римско-Католическая Церковь в принципе очень строга к проявлениям того, что она называет “ложной”, т.е. эротически, натуралистически, язычески окрашенной мистикой сокрушенное, и смирение искреннее, и колена преклоненные в молитве, и несомненная надежда, что Бог не откажет в истине Своей Церкви, спасенной Им кровию Сына Своего; паче всего она есть взаимная любовь во Христе Иисусе, Едином Подателе силы и мудрости и слова жизни...»

И вот народ в глазах славянофилов должен по мере сил своих явиться служителем и носителем этого высшего содержания. В этом – служении Православной Церковной истине, в служении Вселенскому духу любви, живущему в Церкви Христовой, и есть – согласно их глубокому убеждению – преимущественное призвание русского народа. И с высоты этого идеала они и берутся указывать ему его долг и всеми силами негодования, скорби и гнева любящей души, негодования любви, корить его и себя и всех нас за наши вины, за наши уклонения от служения этому неизменному идеалу. Была, конечно, у славянофилов, и нередко, и преувеличенная, неверная, романтическая идеализация простого русского народа и русского прошлого: в этом было их увлечение. Но не кумиром, повторяю, был для них их народ, не кумиром была для них Россия, а предметом горячей любви, страстного служения, страстного отдания сил своих, и потому так и тяжело им, когда он изменяет назначению своему. Это показал Хомяков в своих пламенных обращениях, обращенных к русскому народу:

...С душой коленопреклонной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совести растленной

Елеем плача исцели!
И встань потом, **верна призванью**,
И ринься в пыл кровавых сечь!
Борись за братьев грозной бранью.
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечом: то Божий меч!

Ибо Россия, согласно вере славянофилов, имеет великое призвание, которому, конечно, она может оказаться неверной, которого она может оказаться недостойной:

О, вспомни свой удел высокой
Былое в сердце воскреси,
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!..

В самих славянофилах веял этот **дух жизни**. Они, эти руководящие славянофилы – и оба Киреевских, и Хомяков, и Константин и Иван Аксаковы, и Самарин, были **праведники**. Из глубины своей духовной жизни, питаемой жизнью Церкви, черпали они, когда призывали к действенному подвигу Любви. Поэтому, и подвиг их был подвигом не слов и статей, а дела и жизни. Непонятным, невозможным, неприемлемым было бы для них отделение убеждения от действенного подвига служения братьям, служения родному народу. Это была их психология, их духовная атмосфера, их стихия – стихия отдания себя, стихия внутреннего горения, стихия постоянных помышлений и забот, и дум и молитв, и внешнего дела любви и помощи, и слов упрека, обличения, ободрения и надежды, отданных родному народу. Квиетизм гностических и эстетических созерцаний был бы неприемлем для их религии. Их Бог был Бог любви горящей. И чутким, тревожным взором вглядывались они в судьбу родного народа, в его душевный строй, в его положение, в развращающее и господ и рабов иго крепостного права, с заботой и боязнью, не поздно ли придет помощь, не слишком ли уже народ развратился, отпал от своего призвания, от своего идеала. “Не только я не разделяю мнения тех, – писал Петр Киреевский, – которые думают, будто бы наш народ еще не созрел для законности, но думаю напротив, что он стоит на той ступени, что еще не утратил к ней способности, которую с каждым годом утрачивает все больше и больше”. Здесь в этих словах как бы заранее дается ответ тем, которые теперь нам говорят, что нужно бесстрастно и спокойно ждать – в России все образуется. А между тем, ставится страшный вопрос: **не поздно ли придет помощь?** Ибо систематически развращается и растлевается в России народ, особенно в лице своего молодого поколения. Такой квиетизм, отвлекающий от ужаса жизни, от ран и болей и стонов России, глухой к ее призывам, не переживающий ее болей, был бы непонятен славянофилам, они бы поняли его как угашение духа...